

Заклинатель камней

Новые Известия, -2002
- 25 июня, -с.6

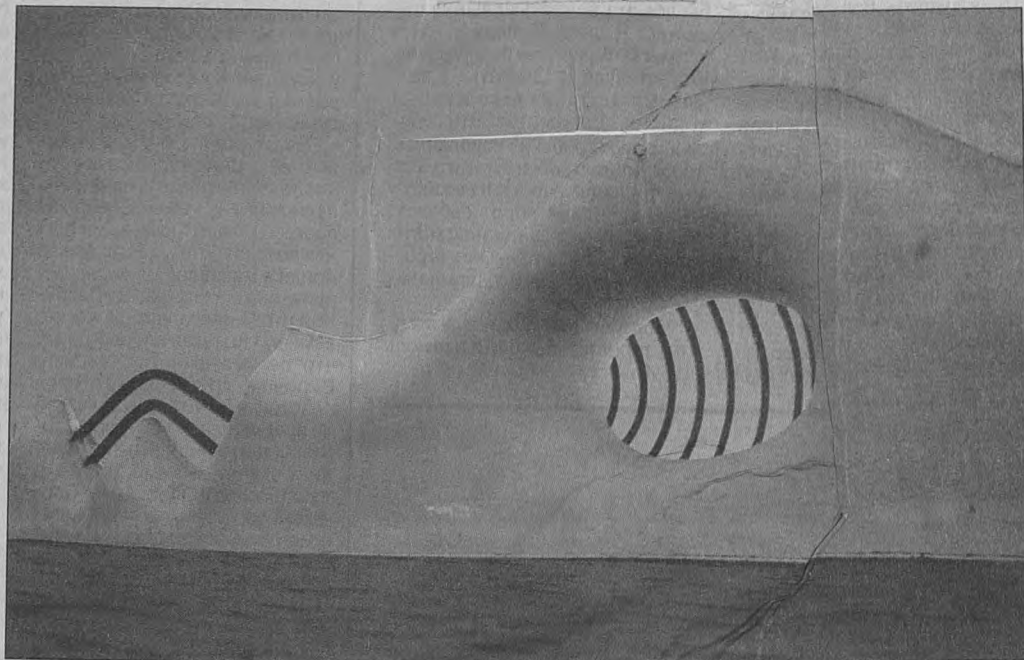
25 июня весь мир отмечает 150-летие Антонио Гауди

**Дмитрий СМОЛЕВ,
для «Новых Известий»**

Объяснить, за что мы любим творения этого зодчего, так же непросто, как объяснить, почему нам нравится солнечная погода и не нравится облачность. Средиземноморский гений взял душу россиянина без боя, как само собой причитающееся. Барселона не первый год остается местом нашего массового паломничества, а Барселона — это Гауди. Собор Святого Семейства, дом Батльо, парк Гуэля — как много в этих звуках для сердца русского слилось. Любоваться модерном принято у нас давно, но здесь кончается дежурный осмотр достопримечательностей и начинается прикосновение к чуду...

Антонио Гауди-и-Корнет (или Антони, как упрямо величают мастера земляки-каталонцы) был рожден, чтоб сказку сделать былью. Директор архитектурной школы, вручая юноше диплом, выразился в том духе, что не знает наверняка, напутствует он гения или безумца. Как часто бывает, разобраться в вопросе помогло высокое покровительство: скромного проектировщика магазинных витрин и уличных туалетов заприметил влиятельный граф Эусебио Гуэль. Исполнение графских заказов не то чтобы сделало Гауди модным архитектором (его работы были вызывающе странны даже в глазах «продвинутой» публики), но прибавило ему профессионального веса. Без этого никакая цепь случайностей не привела бы к назначению молодого фантазера ответственным за строительство главного барселонского храма.

Вряд ли чиновники, утверждавшие эту кандидатуру, могли оценить последствия своего решения. Гауди отличался не только крайней

Манел Арменгол. Импровизация на тему Гауди.

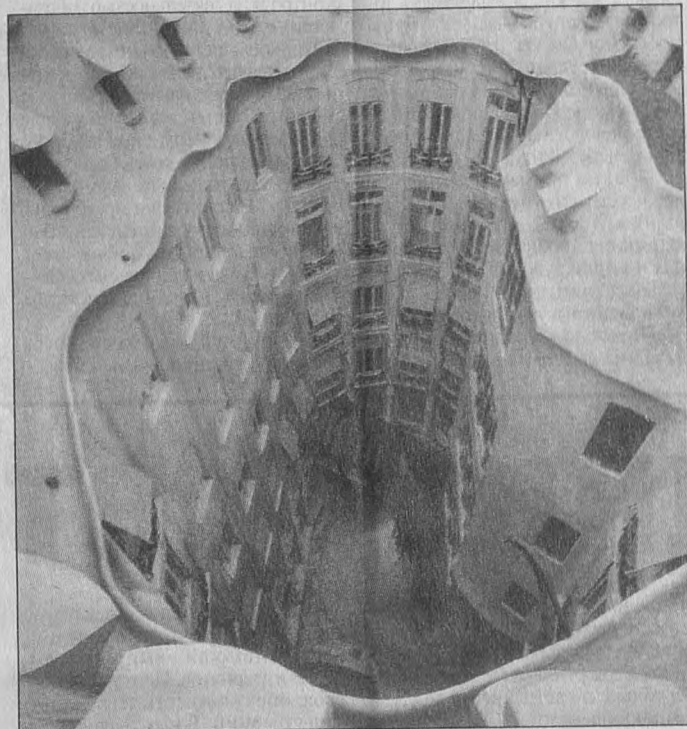
одаренностью, но и редким религиозным чувством. Возведение Саграда Фамилия стало делом всей его жизни: за сорок лет фанатичного труда замысел многократно видоизменялся и в целом, и в частности. Увидеть финала автор так и не успел. Казалось бы, что за проблема для потомков — устранить недоделки? Но не все определяется доводами целесообразности. Споры о дальнейшей участи недостроенного собора длились больше полувека, а теперь и вовсе вышли в новую плоскость. Пару лет назад Ватикан принял решение о канонизации Гауди. Доводить же до завершения в отсутствие чертёжного творения святого Антонио — все равно, что дописывать труды за от-

цов церкви. Вопрос на сегодня так и не решен.

Почему нет чертежей, понятно: не любил этот мастер бездушного проектирования. Он словно лепил неоготический собор из глины — отсекая, комкая, переправляя. Доверял органической природе и терпеть не мог насилия над ней, утверждая, что прямой угол придумали люди без фантазии. Идеальной пластической формой называл куриное яйцо. Любопытно, что единственный свой индустриальный проект — машинный зал кооператива — Гауди реализовал на заре карьеры и никогда больше к этой теме не возвращался. Вряд ли набожный каталонец был знаком с высказыванием Оскара Уайльда насчет того, что

промышленность — корень всякого уродства, но идеи не знают границ: призрак модерна бродил по Европе не хуже призрака коммунизма. Словно в отместку за полное к себе пренебрежение мир машин и механизмов нанес художнику неотразимый удар: свои дни «певец органики» закончил под колесами первого, только что пущенного по барселонским улицам трамвая, когда в миллионный раз вглядывался в фасад грандиозного храма...

В связи со 150-летним юбилеем нынешний год объявлен ЮНЕСКО годом Гауди. Еще при жизни зодчий преодолел региональные границы известности, хотя за минимальными исключениями не строил нигде, кроме родимой Ка-

Рафаэл Варгас. Взгляд сверху.

талонии. Теперь же он и вовсе кумир человечества. У нас юбилей отмечается без того размаха, что в Барселоне (там официальный бюджет мероприятия — 12 миллионов евро), но все же отмечается. В канун дня рождения в московском Музее архитектуры открылась выставка «Многомерный Гауди». Семеро каталонских фотохудожников посвятили свои серии изыскательному копанию в чреве юбилейского наследия. Рассчитывающие обнаружить здесь привычные виды и панорамы будут страшно разочарованы: соотечественники Гауди увлечены анализом фактур и

освещенностей, фрагментациями и прочими субъективными изысканиями. Распознать характерные приметы Ла Педрера или Каса Батльо возможно только благодаря этикеткам. Любоваться красотами фотограмм явно осточертело, их тянет самовыразиться. Имеют право, конечно, но в результате теряется образ. За отдельными проемами, нервюрами и балясинами не видно того, что входит в понятие «гений». Так что, если сердце ваше тянется к прекрасному и величественному, откройте лучше рекламный проспект или слетайте даже в Барселону.